

G. OSTROGORSKIJ. QUELQUES PROBLÈMES D'HISTOIRE DE LA PAYSANNERIE BYZANTINE.

Corpus bruxellense historiae byzantinae. Subsidia II. Bruxelles, 1956. 80 p.

Небольшая книга известного югославского византиниста Г. Острогорского «Некоторые проблемы истории византийского крестьянства» — это публикация четырех докладов, прочитанных им в марте 1955 г. в Коллеж де Франс. Она состоит из краткого введения, содержащего историографические заметки и постановку проблемы, и трех глав, в которых последовательно рассматриваются вопросы о государственных париках (преимущественно в X в.) (стр. 11—24), о контроле государства за количеством париков на землях крупных собственников в XI—XII вв. (стр. 25—40) и о поздневизантийской парикии (XIII—XIV вв.) (стр. 41—74). Книга снабжена индексами имен и терминов.

Прежде чем переходить к анализу концепции автора, мне хотелось бы обратить внимание на некоторые черты, присущие исследовательской технике Г. Острогорского и отчетливо проявившиеся в рецензируемой книге. Он сам говорит об этом во введении (стр. 9): «Я старался не отдаляться от источников», — но эта фраза, совершенно справедливая, еще не раскрывает его отношения к источникам.

Как всякому большому историку, Г. Острогорскому присуще стремление привлечь к исследованию такие материалы, которые оставались вне поля зрения ученых — или, по крайней мере, большинства ученых. Так, в статье о крестьянском праве предпочтения¹ Г. Острогорский ввел в научный оборот новые акты из архива Лавры св. Афанасия, содержащие свежий материал для истории борьбы динатов и «убогих» X в., о которой так много было писано на протяжении последних 70 лет. И в рецензируемой книге Г. Острогорский привлекает новые источники для аграрной истории X в.: исходным моментом для изучения положения государственных париков служит ему сигиллий (грамота) протоспафария Феодора Кладона, изданный в малоизвестном солунском церковном журнале и до сих пор еще не привлекавший серьезного внимания². Г. Острогорский анализирует также завещание протоспафария Евстафия Воилы, составленное в 1059 г. (стр. 72—73), которое совершенно не изучалось зарубежными исследователями³, некоторые грамоты из Южной Италии (стр. 34, 73—74) и т. д.

Далее, исследованию содержания той или иной грамоты Г. Острогорский обычно предпосылает скрупулезный источниковедческий анализ, уделяя большое внимание ее датировке. В рецензируемой работе особенно интересен источниковедческий анализ двух сигиллиев конца X в.: уже упомянутой грамоты Феодора Кладона и грамоты протоспафария Симеона, датированной издателями 989 годом⁴. Сопоставляя эти грамоты, Г. Острогорский приходит к выводу, что обе они передают содержание одного не дошедшего до нас императорского питтакня. Однако имя императора, составившего питтакней, на который ссылаются и Феодор Кладон, и Симеон,

¹ G. Ostrogorsky. The Peasant's Pre-emption Right. *Journal of Roman Studies*, vol. XXXVII, 1947.

² Γ. Ὁστρογόρσκις. Σιγίλλιον περὶ τῶν μονῶν Κολοβού, Πολυγύρου καὶ Λεοντίας. „Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς“, т. 1, 1917, σελ. 787. Единственным, кто обратил внимание на эту грамоту, был Ф. Дельгер. См. его заметку в *BZ*, 29, 1929—1930, S. 104f.

³ С работами советских исследователей о завещании Воилы Г. Острогорский познакомился, по-видимому, уже после сдачи книги в производство (см. стр. 73, прим. 2).

⁴ G. Rouillard et P. Collomp. *Actes de Lavra*. Paris, 1937 (далее — *Lavra*), № 9.

не сохранилось ни в той, ни в другой грамоте, — чтобы определить его, необходимо было установить время издания сигиллий. Г. Острогорский рассуждает следующим образом: сигиллий Феодора Кладона упоминает императоров Константина и Романа как мертвых, следовательно (с учетом индикта) он мог быть издан не ранее 960 г., а если считать, что речь идет о Романе II, то не ранее 975 г.; сигиллий Симеона упоминает умершего Никифора (Фоку) и, следовательно, должен быть датирован (с учетом индикта) не ранее 974 г. Далее, сигиллий Феодора Кладона упоминает монастыри Леонтии в Солуни и Иоанна Колову в Иериссе, которые существовали лишь до 980 г., когда они были включены во владения Грузинского (Ивирского) монастыря, и в то же время сигиллий Симеона не знает о тех переменах, которые произошли во владениях Лавры в 80-е годы. Вот почему Г. Острогорский датирует эти сигиллии 974—975 гг., а автором питакция считает императора Иоанна Цимисхия⁵.

Чрезвычайно интересен в работе Г. Острогорского анализ терминологии и особенно рассмотрение ее эволюции. Так, на стр. 17 он указывает, что новеллы императоров X в. для обозначения мелких землевладельцев пользуются терминами *πένητες* или *πτωχοί* и никогда не называют их димосиариями (*δημοσιάριοι*), как деловые документы⁶. На стр. 31 автор отмечает эволюцию терминологии в грамотах, разрешающих поселение крестьян-пришельцев на земле крупного собственника: вместо слов *μήτε γῆν δημοσιακῆν κατεχόντων* появляется формула *μήτε γῆν ἰδίαν ἐχόντων*. Очень удачно показано на стр. 72, что аргировул деспота Феодора II Палеолога (1407—1433) не дает основания называть париков XV в. «несвободными» — *ἐλεύθεροι* этого документа не «свободные» люди, а элевтеры, т. е. определенная категория зависимого крестьянства⁷.

Умелый критический анализ источника позволяет Г. Острогорскому вскрывать мошенничество византийских чиновников: он показывает, что апографевс Иоанн Костомир освободил монастырь Лемвиотиссы от уплаты налога на том основании, что земля не приносит дохода, тогда как на самом деле этот участок отнюдь не был бесплодным (*ἀχρήστου τε καὶ ἀπροσόδου*)⁸ (стр. 49).

Несомненным достоинством рецензируемой книги является ее историзм. В то время как очень многие византинисты пользуются источниками, относящимися к различным эпохам, попеременно и поэтому приходят к выводу о застойности общественных отношений в Византии, Г. Острогорский всегда старается выяснить, когда и в связи с какими конкретно-историческими обстоятельствами появилось то или иное постановление (см. например, его замечание о характерных чертах политики Мануила I Комнина — стр. 31 и сл.) и византийские социальные институты исследует в их развитии.

Тщательность исследования, глубокое знание источников и литературы вопроса (в том числе и советской литературы — вплоть до ученых записок

⁵ Г. Острогорски. О византийском државним селяцима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска, Глас САН ССХIV. Одељење друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 31—35.

⁶ Следовало бы только отметить, что деловые документы середины X в. пользуются терминами „динаты“ и *πένητες* — Lavra, N 2.22—23.

⁷ К сожалению, при изложении содержания этого аргировула я (Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 101) тоже употребил слово „свободный“, хотя в других случаях правильно толковал этот термин. Об элевтерах см. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, vol. IX, 1948, № 2, стр. 270 и сл. Ср. еще интересные замечания о термине *προσδιάριοι* — Г. Острогорски. О византийском државним селяцима, стр. 27, прим. 11.

⁸ MM, IV, p. 86.1—2.

периферийных институтов) — все это позволило Г. Острогорскому написать интересную и ценную работу. И хотя он подчеркивает, что его книга — отнюдь не история византийского крестьянства (стр. 9), что в ней только ставятся некоторые новые проблемы (стр. 74), — на самом деле рецензируемая книга заключает в себе последовательно развитую концепцию истории аграрных отношений в Византии X—XV вв.

Центральным моментом концепции Г. Острогорского является признание наличия феодализма в Византии; при этом под феодализмом он понимает не систему политических отношений, характеризующуюся иерархической структурой власти, но совокупность определенных социально-экономических факторов: поместье, населенное крестьянами — плательщиками ренты, рассматривается как основная ячейка феодального общества (стр. 8). Но если бы вся работа Г. Острогорского сводилась только к признанию феодализма, вряд ли бы она заслуживала подробной рецензии: и сам Г. Острогорский в предшествующих работах⁹, и ряд советских византинистов, и болгарский исследователь Д. Ангелов показали, что социально-экономическую историю Византии нельзя понять, если не рассматривать ее в категориях феодального общества. В рецензируемой работе существенно прежде всего, как рисует Г. Острогорский развитие византийского феодализма и как он понимает характер зависимости византийского крестьянина.

Г. Острогорский считает, что первоначально в Византии существовали свободные крестьяне, которые имели право распоряжаться своей землей и своей личностью; такими свободными рисуют византийских крестьян «Земледельческий закон» и «Трактат об обложении»; в таком же положении на первых порах находились крестьяне и стратиоты императорских новелл X в. (стр. 21). Но в X в. империя переживает кризис аграрных отношений, который проявляется в том, что крупные собственники присваивают земли крестьян и стратиотов. «Естественно, что императорское правительство сопротивлялось этому уничтожению класса солдат и крестьян-налогоплательщиков и стремились его спасти». Однако эти защитные мероприятия (*mesures protectrices*) византийского правительства неминуемо вели к ограничению свободы тех, кого они были предназначены защищать: стратиоты и крестьяне были прикреплены к земле и лишены права свободно распоряжаться своей собственностью. В результате этих мер переход крестьянской земли в руки динатов был затруднен, но зато сами крестьяне превратились в государственных париков-димосиариев (стр. 18—19). Эти государственные парики отличались от крестьян феодального сеньера лишь тем, что они выполняли свои повинности и вносили ренту не данному светскому или духовному феодалу, а государству: «Их отношения с государством не отличались по существу от тех связей, которые соединяли сеньериального парика с его господином» (стр. 18).

Широкое распространение государственной парикии Г. Острогорский увязывает с общей особенностью хозяйственной жизни Византийской империи — с наличием здесь развитого контроля императорского правительства над экономикой страны (стр. 37). Этот контроль, в частности, находит свое выражение в праве государства конфисковать земли не только пронаирские, но и патримониальные (стр. 23).

В X в. византийское правительство, по мнению Г. Острогорского, вело упорную борьбу с феодальными сеньерами. Характер этой борьбы он оценивает в рецензируемой работе иначе, чем это делают современные зарубежные историки, и не так, как он сам освещал этот вопрос в прежних своих

⁹ См. особенно G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

работах. Так, в одной из старых работ Г. Острогорский писал: «Византийские императоры... решительно старались защитить мелких крестьян-собственников и упорно сопротивлялись феодальным силам»¹⁰. Теперь же, открыто и честно отказываясь от своего прежнего взгляда (стр. 18), Г. Острогорский говорит: «Византийское правительство ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся заверить императорские новеллы. В действительности оно защищало свои собственные права, права на ренту и повинности крестьян» (стр. 16).

В XI—XII вв. характер борьбы между византийским правительством и феодалами изменяется. Капитулировав перед ними по вопросу о земле, разрешив им приобретать надельные участки мелких землевладельцев, оно, однако, сохраняет за собой право контроля за количеством париков во владениях феодалов. Императорские дипломы этого времени пользуются техническим термином «арифмос» (*ἀριθμός*), обозначающим максимальное количество париков, допускаемое для поместья того или иного сеньера (стр. 26—27). Феодалы не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора право поселять на своих землях столько париков, «сколько пошлет бог (*ὅσους ἐκ θεοῦ ὀδηγήσῃ*)» (стр. 31). Феодалы византийской Италии еще в XI в. пользовались подобным правом, но в самой Византии оно утвердилось только в XIII в. (стр. 34 и сл.).

Вместе с тем к XIII в. совершенно исчез класс свободных крестьян (стр. 71)¹¹, хотя по-прежнему сохранялись государственные парики, число которых, по-видимому, значительно сократилось¹².

Такова в основных чертах теория Г. Острогорского о развитии византийского феодализма. Признание византийских димосиариев государственными крестьянами является чрезвычайно важным выводом, поскольку оно, как мне кажется, дает ключ к пониманию особенностей эволюции византийского феодализма. Это наблюдение Г. Острогорского позволяет говорить о наличии двух этапов в процессе феодализации в Византии: на первом этапе наряду с образованием феодальных вотчин с зависимыми крестьянами совершался процесс превращения основной массы свободных крестьян (*γεωργοί*) в государственных париков (*δημοσιάριοι πάροικοι*)¹³, в принципе не отличавшихся от феодально-зависимых крестьян; на втором этапе централизованная форма эксплуатации государственных париков постепенно уступает место вотчинной форме: государственные крестьяне мало-помалу переходят в руки светских и духовных сеньеров, контроль государства

¹⁰ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages*. „Cambridge Economic History“, vol. 1, 1942, p. 205. Ср. G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940, S. 192.

¹¹ Уже П. Харанис (P. Charanis. *On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the XIIIth century and later*. *Byzantinoslavica*, vol. XII, 1951, p. 122) пришел к убеждению, что в актах эпохи Палеологов нет следов существования свободного крестьянства; тем не менее он все-таки допускал наличие свободной собственности крестьянского типа. В отличие от него решительно доказывает наличие свободного крестьянства в Византии XIII в. Д. Ангелов [Д. Ангелов. *Принос към народностните и поземелни отношения в Македония (Епирская деспотат) през първата четвърт на XIII в.* „Известия на Камарата на народната култура“. София, 1948; ср. его же. *Принос към поземелните отношения във Византия през XIII век*. „Годишник на философско-историческия факултет“, кн. II. София, 1952].

¹² Я с благодарностью принимаю критические замечания Г. Острогорского, показавшего (стр. 49), что Какава, упомянутый в грамоте Иоанна Костомира (MM, IV, p. 85—86), был государственным париком, а не париком монастыря Лемвиотиссы, как я считал прежде.

¹³ Иногда *πάροικοι δημοσιακοί* — L. Petit. *Actes de Chilandar*, N 58.7; MM, VI, p. 255.5 или *ὀποτελεῖς δημοσιακοί πάροικοι* — L. Petit. *La monastère de Notre-Dame de Pitié*, ИРАИК, т. VI, 1900, стр. 43, 24. Ср. любопытное противопоставление *ὀποτελεῖς* и *γεωργοί* в „Тактике“ Льва (IX.15).

за количеством частновладельческих крестьян слабеет и под конец сохраняется лишь в пережиточных формах.

Эта точка зрения, хотя и проскальзывала в некоторых работах советских византистов¹⁴, никогда еще не была развита так последовательно и четко, как в рецензируемой книге. Принимая теорию Г. Острогорского в общем виде, признавая вместе с ним димосиариев X в. государственными крестьянами, считая арифмос X—XII вв. средством контроля государства за отдельными феодальными вотчинами, я хотел бы, однако, указать на некоторые трудности, порождаемые теорией Г. Острогорского, и предложить посильное их решение.

Прежде всего, пожалуй, не следовало бы говорить о борьбе императорского правительства или государства против феодальных сеньеров. Сам Г. Острогорский отмечает, что некоторые византийские императоры (например, Никифор Фока) выражали интересы феодальной аристократии (стр. 14—15), следовательно, нельзя говорить об абсолютной противоположности интересов государства и феодалов как таковых. Детальное изучение политической борьбы в X в. приводит к убеждению, что борьба шла не между государством и сеньерами, а между двумя группами аристократии, стремившимися занять руководящее место в государстве: между столичной (чиновной) и провинциальной знатью¹⁵. Первая группа жила в значительной мере за счет централизованной ренты и потому была заинтересована в сохранении максимального количества государственных париков; вторая держалась вотчинной формы эксплуатации крестьянства.

В соответствии с этим мне представляется более резонным рассматривать превращение *γεωργοί* в димосиариев не как результат «защитных мероприятий», но как следствие централизованного натиска феодального государства на крестьян. Процесс этот приходится на IX и начало X в. и проявляется, в частности, в попытках ввести аллиленгий — ответственность соседей за уплату налога общинниками; источники засвидетельствовали, по меньшей мере, две такие попытки в IX в.: при Никифоре I и Василии I, — обе оказались неудачными, и только ко времени Романа Лакапина аллиленгий был введен.

При таком решении вопроса, как мне кажется, снимается одно противоречие, имеющееся в теории Г. Острогорского в настоящее время. Дело в том, что Г. Острогорский недостаточно четко определяет, каков статус *πένητες* новелл императоров X в.: если признать их свободными, мы вернемся к традиционной точке зрения, справедливо отвергнутой на стр. 18; если признать их государственными париками, то окажется, что они потеряли свободу до «защитных мероприятий». Это второе предположение как раз и соответствует действительности.

Если мы признаем вместе с Г. Острогорским (а мне это представляется бесспорным), что особенность развития византийского феодализма состоит

¹⁴ Э. В. Удалцова. Византийская империя в XI—XV вв. История средних веков, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 565; М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 7; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 10, 14; ср. также А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 101—104; его же. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. ВВ, т. V, 1952, стр. 77—78. Противоположную точку зрения защищает М. Я. Сюзюмов (О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, т. X, 1956, стр. 43 и сл.).

¹⁵ R. J. H. Jenkins. The „Flight“ of Samonas. Speculum, vol. XXIII, 1948, № 2, p. 219—221. Ср. также А. П. К а ж д а н. К истории политической борьбы в Византии в начале X века. УЗ Тульского пединститута, вып. III, 1952, стр. 206.

в исключительной роли государственной парикии и — соответственно — централизованной ренты, то в свою очередь возникнет вопрос, чем же объясняется эта особенность. Позволю себе высказать следующее соображение, отлично сознавая всю его гипотетичность: «тайну» византийского феодализма следует искать в стойкости византийской (или точнее славяно-византийской) общины и в прочности традиций рабовладельческого строя. Оба эти вопроса затронуты и в рецензируемой книге, и по обоим вопросам Г. Острогорский высказывает весьма интересные соображения. Так, признавая сохранение пережитков рабовладельческих порядков, Г. Острогорский делает следующее остроумное наблюдение: он отмечает, что византийский раб мог быть отпущен на волю в отличие от парика, освобождение которого было невозможно; формально, с точки зрения римского права, парик — при всей его зависимости — оставался свободным (стр. 72). Чрезвычайно существенно также суждение Г. Острогорского о том, что община выступает «как экономическое, административное и юридическое единство» (стр. 45), — это определение показывает, насколько далеко ушел Г. Острогорский от своих первых работ, где он называл византийскую общину податной общиной (*Steuergemeinde*) и признавал примат фискального фактора над экономическим. «Византийская община, — писал он в 1927 г., — это финансовое (податное) и административное единство, но не более. В этом вновь проявляется... «примат» податных воззрений над экономическими»¹⁶. Исследование новых источников и критическое отношение к традиционным взглядам привели Г. Острогорского к отказу от его прежних представлений в духе фискальной теории.

Итак, Г. Острогорский признает как сохранение пережитков рабовладельческих отношений, так и существование общины, причем общины, основанной на хозяйственной и административной, а не на фискальной общности; однако он не связывает эти особенности социально-экономического строя Византии с судьбами византийского феодализма. Тем не менее можно было бы высказать следующее соображение. Большая устойчивость византийской общины обусловила относительную медленность процесса выделения аллодиальной собственности, в результате чего община сохраняла контроль над индивидуальными наделами (в частности, право преимущественной покупки); в соответствии с этим процесс формирования феодальной собственности протекал сравнительно медленно, а класс феодальных собственников был малочисленным и экономически слабым. В этих условиях, когда далеко не всякий феодал был в состоянии осуществлять вотчинную эксплуатацию крестьянства в широких масштабах, чрезвычайно большое значение приобретает централизованная эксплуатация крестьянства государством, т. е. организованным коллективом господствующего класса. В соответствии с этим прежние свободные общинники — после упорного сопротивления (восстание Фомы Славянина, восстание павликиан) — были превращены в государственных париков, прикрепленных к своему тяглу, к своей общине.

Сохранение в Византии более значительных, нежели на Западе, рабовладельческих традиций¹⁷ также препятствовало быстрому росту феодальной

¹⁶ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XX, 1927, S. 45.

¹⁷ Впрочем, вопрос о масштабах применения рабского труда на средневековом западе нуждается в пересмотре: по-видимому, и здесь рабство играло большую роль, чем это принято думать, — см. Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe Médiévale, t. I. Paris, 1955.

системы производства, коль скоро крупные земельные собственники имели возможность довольно широко применять на своих землях рабский труд.

Наконец, известную роль могли играть позднеримские правовые и политические традиции, создававшие идеологические предпосылки для прочного объединения страны.

В этих факторах, мне думается, скорее следует искать причины образования государственной парикии, нежели в «защитных мероприятиях», о которых говорит автор. Но независимо от того, как объяснять причины появления класса димосиариев, бесспорным остается установленный Г. Острогорским (и независимо от него рядом советских византинистов) факт существования в X в. широкого слоя государственных крестьян, которых до последнего времени ошибочно именовали «свободными».

В трактовку чрезвычайно важного вопроса об арифмосе мне хотелось бы внести одно добавление, несколько уточняющее наши представления об этом институте, на который до сих пор почти не обращали внимания¹⁸. Г. Острогорский (как и К. А. Осипова) характеризует арифмос лишь как ограничение количества переданных феодалу париков. Однако возникает вопрос, как мы должны рассматривать в таком случае самое право феодала на тех париков, которые ему переданы; иными словами, можем ли мы отождествлять это право, скажем, с правом феодалов Янины на их париков, как оно отражено в грамоте императора Андроника II от 1319 г. Думается, что между отношениями, вытекающими из арифмоса, и крепостным правом XIV в. существовало известное различие; теоретически, с точки зрения византийского права, переданные по арифмосу парики продолжали считаться государственными крестьянами, находящимися в частных руках, и следовательно, феодал был собственником не самого парика, а лишь той квоты государственных податей, которая с него поступала. В пользу такого соображения следует прежде всего привести хрисовул Алексея Комнина от 1084 г. Там идет речь о пожаловании брату императора протосеасту Адриану государственного налога (канона) с жителей полуострова Кассандра (τὸν παρὰ τῶν οἰκητόρων τῆς τοιαύτης νήσου ἐτησίως τελούμενον τοῦ δημοσίου κανόνα)¹⁹; жители полуострова были напуганы, что их станут считать париками (παροιχοι λογισθεῖεν), не имеющими своей земли (τὴν γῆν ἰδίαν μὴ ἔχοντες), обязанными платить подати другому лицу. Хотя император и убеждает их в хрисовуле, что они испугались того, что в действительности не страшно, все же можно видеть, что парикия выступает как явление, тождественное уплате канона.

С этим связан, далее, тот странный обычай, который был отмечен еще Б. А. Панченко: еще в XIII в. из двух братьев только один оказывался частновладельческим париком, а второй становился государственным крестьянином²⁰. Наконец, частновладельческие парики X—XI вв. пользовались свободой перехода, что засвидетельствовано магистром Косьмой и Михаилом Пселлом. Вот почему мне думается, что применительно к условиям X—XI вв. (а может быть, и XII в.) осторожнее было бы не говорить

¹⁸ Беглые замечания об арифмосе см. А. П. Каждан. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. ВВ, т. II, 1949, стр. 321; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. стр. 14.

¹⁹ Lavra, № 39. 12—13. Впрочем, может быть, в этом акте идет речь о передаче не арифмоса, а пронии — P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire. . . , p. 152.

²⁰ ММ, IV, p. 94. 1—3. Ср. Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 100. Г. Острогорский (стр. 47), анализируя это известие, замечает: „Неясно, как он (второй брат. — А. К.) мог стать в конце концов независимым крестьянином“. Но это как раз логично: ведь феодал мог удерживать лишь определенное количество крестьянских хозяйств.

о собственности (в полном смысле этого слова) феодала на парика или, во всяком случае, говорить о собственности в процессе становления. Впрочем, этот вопрос заслуживает специального и более пристального исследования.

Наконец, теоретически чрезвычайно ценным представляется мне суждение Г. Острогорского об отсутствии класса свободных крестьян в Византии в период развитого феодализма; действительно, в это время основная масса крестьян была так или иначе вовлечена в сферу действия феодальных отношений независимо от того, платил ли крестьянин ренту сеньеру или ренту-налог государству. Лишь как исключение, в отдельных горных районах, могли сохраняться свободные крестьяне, не платившие ренту, — подобно фризским крестьянам на Западе; таково, например, было положение славян Дронга в Пелопоннесе, о которых идет речь в «Морейской хронике».

Таким образом, теория Г. Острогорского о димосиариях и путях их превращения в частновладельческих крестьян является плодотворной; она позволяет глубже, нежели мы могли это сделать до сих пор, понять пути становления византийского феодализма. Разумеется, понадобится еще не одно исследование, прежде чем удастся обрисовать многие стороны этого процесса, пока еще остающиеся в тени.

Не менее важной представляется мне и центральная мысль третьей главы рецензируемой книги; эту мысль Г. Острогорский формулирует следующим образом: в парикии проявляется «двойственность или, точнее говоря, антиномия, характерная для поземельных отношений феодального общества» (стр. 62, ср. также стр. 63). Для того, чтобы понять значение этой идеи, необходимо вернуться к историографии вопроса.

В исторической науке были высказаны две резко противоположные точки зрения по вопросу о характере владельческих прав византийского парика: с одной стороны, Ф. И. Успенский полагал, что парик является крестьянином, лишенным собственности на обрабатываемую им землю, с другой — Б. А. Панченко признавал парика полным частным собственником своего надела. Несмотря на накопление большого нового материала, несмотря на то, что в марксистской историографии западного средневековья вопрос давно уже был решен, исследователи византийского крестьянства вплоть до последнего времени не могли выйти за пределы той постановки вопроса, которая была дана в дискуссии Ф. И. Успенского и Б. А. Панченко²¹. Только в некоторых работах последних лет исследователи стали ощупью подходить к пониманию того, что обе крайние точки зрения не покрывают всей сложности действительности²². Иначе говоря, стало выясняться, что противоречие между Ф. И. Успенским и Б. А. Панченко было отражением противоречия самой действительности; сама природа отношений собственности в феодальном обществе противоречива и двойственна:

²¹ Так, именно в рамках этой дискуссии рассматривает вопрос о характере крестьянской собственности Б. Т. Горьянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 19—25. Он отвергает теорию Б. А. Панченко о личной наследственной собственности парика, не объясняя, однако, фактов, свидетельствующих о наличии у парика владельческих прав.

²² P. Charanis. (On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire. . . , p. 137 ff.) отмечает, что владельческие права парика сочетались с его полным бесправием, позволяющим сближать парикию с рабством. Точно так же и Д. Ангелов (Принос към поземелните отношения във Византия) подчеркивает, что византийские зависимые крестьяне хотя и не обладали правом полной собственности на землю (стр. 63), однако были наделены средствами производства и могли передавать по наследству свои поля и виноградники (стр. 71) и отчуждать их (стр. 79). Очень глухо о праве париков покупать и продавать землю говорит G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire Byzantin. Paris, 1953, p. 169. Ср. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 93—101, 110—115.

собственность на землю (как юридическое выражение права на ренту) принадлежит здесь феодалу, однако феодальная собственность великолепно уживается с владельческими правами крестьянина, включая право наследования, купли-продажи и т. п. Этот-то вывод, имеющий первостепенное значение, и сформулирован в книге Г. Острогорского.

Автор детально раскрывает конкретное содержание этого представления о двойственности положения византийских париков. С одной стороны, парики могли отчуждать свою недвижимость (стр. 45, 60), являлись членами общины (стр. 45), передавали землю по наследству (стр. 62), могли приобретать аллодиальные земли (стр. 52), обладали юридической правоспособностью (стр. 43 и сл.), могли обитать вне поместья (стр. 67) и становиться монахами (стр. 63); с другой стороны, сеньер имел верховные права на владения своих париков (стр. 46), проявлявшиеся, в частности, в праве предпочтения, принадлежавшем прежде крестьянской общине и присвоенном теперь феодалами, в праве на выморочный крестьянский надел и, наконец, в праве ограничивать свободу отчуждения крестьянской земли — с помощью конфирмации (впрочем, очень редкой) (стр. 47) или же путем возложения на отчуждаемую землю дополнительной ренты — эпителии (стр. 57 и сл.). Верховные права феодала на землю проявлялись и в том, что он мог согнать парика с надела (стр. 65 и сл.).

Это суждение Г. Острогорского о характере византийской парикии в целом представляется мне бесспорным и, как мне кажется, является единственным способом разрешения затянувшегося спора между сторонниками Ф. И. Успенского и Б. А. Панченко. Мне хотелось бы только сделать по этому поводу одно принципиальное замечание и несколько частных.

Принципиальное возражение заключается в следующем: правильно выдвинув тезис о «феодальной антиномии» византийской парикии и показав конкретные проявления этой двойственности, Г. Острогорский оперирует с этой антиномией не как с исторической, а как с логической категорией. Иначе говоря, права париков и феодальных сеньеров рассматриваются как заранее данные, раз и навсегда установленные. Тем самым за пределами исследования остается развитие феодальных отношений, которое состояло не только и даже, пожалуй, не столько в увеличении размеров вотчин и числа частновладельческих крестьян (именно так решает вопрос вотчинная теория, начиная с Инама-Штернега), сколько в расширении прав феодала на землю и личность крестьянина. Эта сторона дела — наступление феодала на крестьянина, постепенная потеря последним тех или иных конкретных прав — составляет существеннейший момент истории аграрных отношений XI—XV вв. От иммунитета к крепостному праву, от права на ренту к праву на личность, от *πάροιχοι τῆς προνοίας* к *πάροιχοι φυσικοί* — таковы в грубых чертах основные линии этой эволюции, пока еще недостаточно исследованной.

Несколько частных замечаний ни в коей мере не задевают общей концепции Г. Острогорского. Так, при анализе грамоты 1193 г. Г. Острогорский считает логариаста Михаила Хрисоверга не господином париков, а представителем византийского чиновничества (стр. 47)²³, однако нельзя забывать, что парики называют его господином (*ἀδελφότης*)²⁴;

²³ Так же трактует этот документ и Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 25.

²⁴ ММ, VI, р. 125.19. См. Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 81; Н. Glykatzis. L'épitéleia dans le cartulaire de Lemviotissa. Вуз., vol. XXIV, 1954 (в действительности том вышел в 1956 г.), р. 81, анализируя акты Лемвийского монастыря, пришла к выводу, что термин *ἀδελφότης* применялся при характеристике отношений прямой зависимости (*une dependance directe*). Впрочем, этот

упоминание дуки Крита в этой грамоте не противоречит признанию Хрисоверга господином этих крестьян, ибо у нас есть некоторые основания считать, что на Крите сравнительно рано начался процесс феодализации чиновной аристократии и дуки Крита стали практически феодальными сеньерами острова, — Хрисоверг в таком случае был вассалом дуки Крита.

Вряд ли правомерно термин *ἀνδρωπος* переводить как парик (стр. 51), — по всему смыслу документа нотариий Керамари скорее вассал великого друнгария Гавалы, чем его зависимый крестьянин.

Нет необходимости предполагать, что земли, которые парики монастыря Лемвиотиссы продавали своему сеньеру, не входили в состав монастырских владений (стр. 57). Покупка земли у собственного держателя довольно часто практиковалась в средневековой Англии, причем покупались и те наделы, которые продавец держал от покупателя; то же самое могло иметь место и в Византии — грамота Михаила Архонтицы, продавшего в 1271 г. свою стась в деревне Дрианувена супругам Мелиссинам, которые были сеньерами Дрианувены (стр. 53 и сл.), является отличным примером сделки такого рода.

Заканчивая обзор книги Г. Острогорского, я хотел бы отметить несколько интересных мыслей, высказанных, правда, вскользь, вне непосредственной связи с основной концепцией автора. Так, Г. Острогорский рассматривает ренту как основу отношений парика и феодала (стр. 66), отмечает неравномерность цен на землю (стр. 62)²⁵, стремится выявить отличие византийских париков от колонов Поздней Римской империи, заключающееся в том, что колон был прикреплен к земле, тогда как парик являлся зависимым человеком своего сеньера (стр. 67). Г. Острогорский отмечает наличие разнообразных категорий париков²⁶, оговаривая вместе с тем нечеткость византийской терминологии и отсутствие резких переходов между отдельными группами зависимого населения (стр. 69 и сл.); при этом он, в частности, убедительно показывает, что дулопариков нельзя отождествлять с рабами (стр. 71)²⁷.

Таким образом, мы можем видеть, что рецензируемая книга является чрезвычайно интересной, помогающей правильно понять основные черты византийского феодализма. Она подводит итоги тому, что сделано в последние годы, учитывая выводы исследований болгарских и советских историков-марксистов; вместе с тем она ставит новые проблемы и дает новые формулировки, открывая пути для дальнейшего изучения аграрной истории Византии. Конечно, в этом вопросе еще не все ясно, еще о многом можно и нужно спорить, однако три положения исследования Г. Острогорского представляются мне доказанными:

термин мог применяться и к высшим чиновникам; например, в хиландарской грамоте 1310 г. *ὁ ἐπὶ τοῦ καπικλείου* назван *αὐθέντης ἡμῶν* — V. Mošin in: A. Sovre. *Dodatki h grškim listinam Hilandarja*. Ljubljana, 1948, № 2.13.

²⁵ О неравномерности цен см. также Д. Ангелов. Принос у поземлените отношения във Византия, стр. 58. Иначе — Н. Glykatzi. *L'épitéleia*..., p. 92.

²⁶ См. об этом также Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 27—37; Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 71—93.

²⁷ Б. Т. Горянов (Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 30) отождествляет дулопариков с рабами; Д. Ангелов (Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 85—87) полагает, что дулопарики были близки к рабам, хотя и не являлись подлинными рабами. Наоборот, П. Харанис (P. Charanis. *On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire*..., p. 141) видит в дулопариках свободных бедняков.

При этом возможно, что в XV—XVI вв. термин „дулевт“ приобретает новое значение — „невольник“ (см. например, *Ἰάωβος Τριβώλης. Ποιήματα*, hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1956, S. 76.148, а также S. 88.291 и 92.341).

1) византийское крестьянство X в. в своей массе было феодальным крестьянством, независимо от того, платило ли оно ренту государству или сеньерам;

2) в XI—XII вв. значительная масса государственных крестьян переходит в руки светских и духовных феодалов, хотя государство и сохраняет право известного контроля за париками на частновладельческих землях;

3) положение византийских париков характеризуется двойственностью, присущей феодальному строю.

Доказательство этих положений является большой заслугой Г. Острогорского.

А. П. Каждан

DIGENES AKRITAS, ED. WITH AN INTRODUCTION, TRANSLATION AND COMMENTARY BY J. MAVROGORDATO.

Oxford, Clarendon Press, 1956. LXXXIV, 273 p.

Обширная литература, существующая вокруг эпоса о Дигенисе Акрите, пополнилась еще одной книгой. Автор ее, Дж. Маврогордато — бывший профессор греческого языка и литературы в Оксфордском университете. Его работа представляет собой наиболее значительную публикацию по «Дигенису» со времени выхода в свет известной книги А. Грегуара¹, т. е. за последние 14 лет. Если принять во внимание, что, несмотря на многочисленные изыскания ряда ученых, «Дигенис Акрит» по сей день ставит перед исследователем немало спорных вопросов (взять хотя бы датировку памятника), то вполне понятен интерес, с которым подойдет к труду Дж. Маврогордато всякий, кто занимается историей византийской литературы. В какой же мере оправдывает рецензируемая работа этот интерес?

Книга состоит из перевода «Дигениса Акрита» (Гротта-Ферратская версия, в дальнейшем — G-F), изданного вместе с параллельным греческим текстом и снабженного критическим аппаратом и комментариями. Переводу предпослано введение². В конце книги — приложения: генеалогия Дигениса, сводная таблица содержания всех версий памятника, библиография и перечень некоторых литературных реминисценций.

Введение (р. XI—LXXXIV) охватывает (правда не полностью, как мы увидим) основной круг вопросов, связанных с «Дигенисом Акритом». В первой главе введения помещен краткий очерк истории открытия и опубликования известных версий эпоса — Трапезундской (Т), Андросской (А), G-F, Эскуриальской (Е), Оксфордской (О) и прозаической Андросской (А₂), называемой автором по имени обнаружившего ее ученого версией Пасхалиса. Маврогордато останавливается и на русской версии памятника — «Девгениевом деянии». Отметим в этой связи, что ему известен недавно обнаруженный и изданный в СССР так называемый Титовский список «Девгениева деяния»³, оригинал которого отличается большей полнотой сравнительно с Погодинским списком и, как убедительно показала В. Д. Кузьмина, точнее отражает первоначальный текст повести. Весьма ценно, что Маврогордато и в дальнейшем ссылается на этот список

¹ H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ακρίτας. New York, 1942, λη, 236 p.

² Основные положения этого введения были вкратце изложены автором в его статье „Some Notes on the Escorial and Russian Versions of Digenis Akritas“. Προσφορά εις Στ. Κυριακίδη (= Έλληνικὸν Παράρτημα, 4), Ἀθήναι, 1953, σελ. 463—468.

³ В. Д. Кузьмина. Новый список „Девгениева деяния“. ТОДРЛ, IX, М.—Л., 1953, стр. 339—360.